

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «КРИТЕРИИ Г. О. ВИНОКУРА»

А. А. Кретов^{1, @}

¹ Воронежский государственный университет
@ tilp@rgph.vsu.ru

Аннотация: Предметом статьи является определение направления лексической деривации, в связи с чем с применением системной методологии рассматривается «критерий Г. О. Винокура» и делается вывод о невозможности с его помощью определить направление деривации. Попутно опровергается существование техники усечения морфем в русском словообразовании и указывается на некорректность терминов *интерфикс* и необходимость замены его термином *эпентеза*. В качестве альтернативы «критерию Винокура» при определении направления деривации предлагается ориентироваться на количество морфем: *производной* является основа, отличающаяся от однокоренной на один дополнительный терминальный аффикс. Как следствие *морфемный анализ* оказывается *первым* этапом и необходимым условием установления *деривационных отношений* между словами. При корректной интерпретации «критерий Винокура» может принести большую пользу лексикографии, если его систематически использовать при толковании производных слов. Также «критерий Винокура» может служить показателем деэтимологизации производного слова. Методологическая безвредность использования «критерия Винокура» в качестве педагогического приёма при объяснении наиболее прозрачных случаев лексической деривации вызывает большие сомнения. Указывается на связь проблемы определения направления лексической деривации с проблемами существования-несуществования слов в языке и речи, с проблемой синхронии-диахронии словообразовательной системы, а также на необходимость различать подсистемы онимов и апеллятивов и рассматривать каждое производное слово на фоне всей системы языка.

Ключевые слова: словообразование, русский язык, лексическая деривация, «критерий Винокура», определение направления производности, интерфикс и эпентеза, морфемный и словообразовательный анализ.

Для цитирования: Кретов А. А. О так называемом «критерии Г. О. Винокура» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 150 – 154.

Одной из ключевых проблем словообразования является определение направления деривации. Обычно для этого используют так называемый *критерий Г. О. Винокура*, являющийся одной из «священных коров» традиционного словообразования. Рассмотрим подробнее *критерий* или (как некоторые его называют) *закон Г. О. Винокура*.

Критерий Г. О. Винокура предполагает, будто бы направление производности можно установить, исходя из дефиниции (толкования) производного слова. Сам Г. О. Винокур формулировал это так: «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [2, с. 421]. Из этого с необходимостью следует, что если в толковании слова есть однокоренное слово, то толкующее слово и есть производящее.

Например, в словаре [1] *переосвидетельствование* – содержит отсылку: см. *переосвидетельствование*. Значит, *переосвидетельствовать* – производящее, *переосвидетельствование* – производное. А вот дальше нас ждёт неожиданность – *переосвидетельствовать* толкуется через существительное *освидетельствование*: «Подвергать-подвергнуть повторному *освидетельствованию*». В соответствии с «критерием Винокура» оказывается, что глагол *переосвидетельствовать* образован вовсе не от глагола *освидетельствовать*, как можно подумать, а от существительного *освидетельствование*. Для того же, чтобы в соответствии с «критерием Винокура» признать глагол *освидетельствовать* производящим, а глагол *переосвидетельствовать* – производным, надо

изменить словарную дефиницию, например на «освидетельствовать повторно» и издать словарь с такой дефиницией.

Критерий Г. О. Винокура может быть полезен при диагностировании *деэтимологизации*: там, где производное нельзя истолковать через производящее, имеет место деэтимологизация. Надо сказать, что *критерий Г. О. Винокура* – это не более чем **педагогический прием**, работающий там, где отношения между производящим и производным и без того ясны и прозрачны. Однако опираться на него, апеллировать к нему в сложных случаях – значит осуществлять насилие над языком и приписывать языку то, чего в нем нет. По сути, нам предлагают факты естественного языка (слова и их происхождение) интерпретировать через артефакты (словарные толкования, дефиниции).

Толкования-дефиниции – это единицы метаязыка (метаязык – язык, используемый для описания самого себя). Производящее и производное это единицы языка, а дефиниции, как и чины, «людьми даются, а люди могут обмануться». В зависимости от дефиниции в соответствии с «критерием Г. О. Винокура» одной и той же паре слов мы должны будем приписывать разные направления деривации.

Рассмотрим пример: в словарях неологизмов, а также в словообразовательных словарях А. Н. Тихонова (школьном и большом) последовательно и широко используется критерий Г. О. Винокура. Так, дается толкование: *абсурдист* – ‘сторонник, представитель *абсурдизма*’. Значит, *абсурдизм* – производящее, *абсурдист* – производное. *Абсурдизм* же толкуется как ‘направление в театре и литературе воз-

водящее в принцип *абсурд*'. Значит, *абсурдист* производное от слова *абсурдизм*, а вот слово *абсурдизм* уже производное от слова *абсурд*. А *абсурдистский* толкуется так: 'относящийся к *абсурдизму*'. Таким образом, *абсурдизм* является производящим, а *абсурдистский* – производным.

Можно ли из *абсурдизма* получить *абсурдист*? Мы видим, что общее у них – основа *абсурд*-. Наверное, суффикс *-изм* при этом усекается и к усеченной основе прибавляется суффикс *-ист*. А если производящее *абсурдизм*, а производное *абсурдист*, значит, они находятся в одном шаге деривации друг от друга. А на одном шаге деривации прибавляется один аффикс. Значит, у основы *абсурдизм* надо отсечь *-изм*, к полученной основе *абсурд* прибавить *-ист*. В данном случае абсурдность такого установления деривационных отношений очевидна без всяких комментариев. Если мы дальше пойдем по пути Г. О. Винокура и будем дальше использовать дефиницию в качестве индикатора производящего, то неизбежно придем к выводу, что производящим для слова *стол* является слово *мебель*. А для слова *студент* – человек. Кстати, так деривация и понималась в Средние века. Примерно к такому же выводу приходит И. А. Мельчук [7]. Только он уже говорит о *семантической деривации*.

Если идти по этому пути, мы неизбежно придем к тому, что будем говорить не о деривации слов или лексико-семантических вариантов, а о деривации *значений*, протекающей уже не в языке, а в метаязыке лингвиста, дающего дефиниции. А это уже чисто метаязыковые отношения, которые к самому языку (и тем более – к процессу словообразования) имеют весьма опосредованное отношение. Тем самым мы от познания языка, не зависящего от нашего сознания, придём к конструированию некоего воображаемого объекта, всецело зависящего от нашего сознания. Проще говоря, этот путь ведёт от науки к научной фантастике.

Об «усечении основ» при словообразовании

Е. А. Земская приводит такой пример: *утенок* – 'детеныш *утки*'. Значит *утка* – производящее, *утенок* – производное. Но возникает вопрос, почему *утёнок*, а не **утчёнок*, если *утка* производящее куда исчезает –к? Е. А. Земская поясняет: –к – усекается [6, с. 140]. Но стоит только принять возможность усечения при словообразовании, становится возможным вывести что угодно из чего угодно. Например, на первый взгляд, сложно доказать, что *Воронеж* является производным от слова *воронежцы*. Но если дать дефиницию – '*Воронеж* – место обитания, проживания *воронежцев*', тогда *воронежцы* – производящее, *-цы* усекается, прибавляется нулевой суффикс со значением 'место' или 'город', и мы получаем производное *Воронеж*, от производящего *воронежцы*, строго следуя «критерию Г. О. Винокура» и практике усечения, используемой для реализации этого принципа.

Критерий Винокура всё ставит с ног на голову: не деривационные отношения должны устанавливаться по дефиниции, а дефиниции должны даваться, исходя из деривационных отношений: от основы *абсурд*- образованы *абсурдизм* и *абсурдист*, а от основы *абсурдист*- образовано прилагательное *абсур-*

дист=ск_ий. Следовательно, из рассмотренных выше дефиниций только дефиниции слова *абсурдизм* можно признать корректной. Слово же *абсурдист* надо толковать как 'сторонник *абсурда* в театре и литературе', а не как 'сторонник *абсурдизма*'. Слово же *абсурдистский* должно толковаться как 'свойственный *абсурдистам*, характеризующий *абсурдистов*', а не 'относящийся к *абсурдизму*'.

Если «критерий Винокура» поставить с головы на ноги, он может быть полезен как рекомендация для лексикографов включать в дефиницию слова его производящее и указывать в ней только лингвистические значения.

Есть такая птица *чируха*, у нее детеныши называются *чирята*, но не **чирушата* – ср. *лягуха* ([4]; [3]) > *лягушата*. А самец называется *чирок*. Так кто же от кого образован? Например, мы можем дать определение *чируха* – 'самка *чирка*'. Тогда *чирок* – производящее, *-ок* – усекается, *-уха* – добавляется. Или, *чирок* – 'самец *чирухи*'. Тогда уже *чируха* – производящее, *чирок* – производное: *-ух* – усекается, *-ок* – прибавляется.

На самом деле здесь, как и в слове *утка*, производящая основа не усекается: производящей является основа *чир*-, существующая в виде корня в словообразовательной системе языка. На это (по-видимому, заворожённые внутренней формой неточного, как мы показали выше, термина *словообразование*) многие лингвисты возражают: слова **чир* нет в языке, а значит, ничего от него образоваться и не могло. А те, кто производят от него слова *чирок*, *чируха* и *чирята*, приписывают языку то, чего в нём нет.

Если спросить, почему *основы чир*- нет в языке, ответят: **слово** **чир* отсутствует в словарях современного русского литературного языка, его не употребляют в речи. При этом наши оппоненты нарушают один из принципов системности – гомотопность, говоря о существовании или несуществовании единицы словообразовательной системы – *основы*, но ссылаясь при этом на отсутствие единицы другой – лексико-семантической системы – *слова*. Более того, аргументируя отсутствие основы в языке, ссылаются на отсутствие слова в речи. Речь никогда не использует возможности языка полностью, а также содержит многое из того, чего нет в языке – ну, хотя бы иноязычные слова или ошибочно образованные и произнесённые слова, намеренно или ненамеренно искаженные слова и т. д. Что касается словарей, то они лишь отражают речь, причем выборочно и неполно. Многое, присутствующее в речи, отсутствует в словаре (например, большая часть числительных или нецензурная лексика см. [10]), а многое, присутствующее в словаре отсутствует в речи. Для таких слов В. В. и А. В. Морковкины предложили специальный термин: *агнонимы* [8] (*Прим. автора: Агноним (от др.-греч. ἄ — не, γνώσις — знание и ὄνομα, ὀνόμα — имя) — лексическая или фразеологическая единица языка, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям. Многие агнонимы являются диалектными, специальными терминами или устаревшими (архаизмами), но некоторые из них не имеют в словарях стилистических помет и относятся к*

нейтральной общелитературной лексики. [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Агноним>]].

Проблема существования-несуществования лингвистических единиц к языку и речи заслуживает отдельного рассмотрения.

«Кто же, – возразят нам, – употребляет слово *чир*, в каком словаре это слово зафиксировано? Его нет. Оно выдуманно. Или если оно и было когда-то, то его давно перестали употреблять. Следовательно, – скажут нам, – вы совершаете грубую методологическую ошибку, смешивая синхронию и диахронию: берете какое-то древнейшее образование, которое не известно, существовало ли, употреблялось ли где и когда, и от этого фантома образуете реальные слова *чирок*, *чируха* и *чирята*».

Тут мы сталкиваемся с проблемой *синхронии* и *диахронии* в словообразовании, требующей отдельного рассмотрения.

Впрочем, специально для тех, кто свято верит в словари, в словаре В. И. Даля находим: «ЧИРИКАТЬ <...> Издавать звук *чир*» [4] (ср. глагол, *чир-к-ать*, в котором звукоподражательный характер корня маркирован суффиксом-классификатором -к-: *гав-к-ать*, *кря-к-ать*, *бе-к-ать*, *ме-к-ать*, *хрю-к-ать* и т. д., а также сходное звукоподражание *чик-чирик*). Учитывая, что в России широко распространены два вида **речных уток**: *чирок-свистунок* и *чирок-трескунок*, трудно не согласиться с мнением этимологов, что *чирки* получили название по звуку, который они издают. Об этом говорят и данные биологов: «Видовое название [чирка-свистунка – А. К.] *crecca* является звукоподражанием крику самца, аналогичное название птицы имеется в ряде европейских языков — шведском («*kricka*»), букмол («*krikk-and*»), датском («*krik-and*») немецком («*krick-ente*»). Русское название *свистунок* также относится к способности селезня к характерному свисту» [9, с. 32]. Следовательно, слово *чирок* в лингвистическом словаре надо толковать как ‘речная утка, издающая звук «чир»’, а не ‘небольшая водоплавающая птица сем. утиных’ [1].

Итак, на вопрос, возможно ли усечение в русском словообразовании, отвечаем: в системе исконной русской аппелятивной аффиксации усечение как языковая техника отсутствует.

Есть одна поздняя и локальная подсистема словообразования – подсистема образования онимов (имен собственных), в которой, по мнению некоторых лингвистов, встречается то, что можно назвать усечением. Однако и там факты можно интерпретировать, не прибегая к усечению. Речь идет о словах типа

Польша
Польский
Польша
Поляк

Специалист в области славянской этнонимии Геннадий Филиппович Ковалев, исследовавший словообразование русских этнонимов, обратил внимание, что основы таких слов как *полька-поляк* имеют ту же производящую основу, что и притяжательное прилагательное *польский*, если у него отсечь суффикс =ск(ий).

У всех этих слов основа состоит из двух морфем: корня и суффикса, следовательно, они не могут находиться в отношениях производности, потому что ос-

нова производного всегда на одну терминальную морфему длиннее основы производящего. Все четыре слова производны от слова *пол_е*: *поль=ак* – ‘человек *поля*’, *поль=к_а* – ‘женщина *поля*’, а *поль=ск_ий* – ‘имеющий отношение к *полю*’. А слово *Польша* пришло к нам через белорусское посредство в белорусском фонетическом оформлении *Польша*, которому соответствует более прозрачное украинское: *Польща*, возникшее в результате выравнивания основы слова, заимствованной из польского языка по форме местного падежа (*w Polsce*). Именительный падеж польского субстантивированного прилагательного *Polska* – результат стяжения словосочетания *Polska zemia*. Это словосочетание стянулось в существительное *Polska* со значением, тождественным производящему словосочетанию [11, т. 3, с. 321]. Одним из первых в славистике на процесс стяжения (компрессии) обратил внимание А. В. Исаченко [5].

В результате такого стяжения основа берётся от определения, а синтаксическая функция – от определяемого; значение же производного остаётся тождественным значению производящего словосочетания; ср. сущ. *столовая* < *столовая комната* (отметим, что субстантивированное прилагательное *столовая* хотя и сохранило часть парадигмы прилагательного, утратило способность изменяться по родам и приобрело категорию женского рода, т. е. категорию слова *комната*).

Об «интерфиксах»

А как называют мужчин и женщин *Бразилии*? Если страна *Бразилия* (*Brazil*) значит, мужчина *бразил=ец*, а женщина *бразил=ьян=к_а*. В данном случае Е. А. Земская сказала бы, что -ьян- это *интерфикс* [6, с. 129 – 135]. По мнению исследовательницы, *интерфиксы* – не аффиксы, не морфемы (хотя форма термина =фикс указывает как раз на это) и даже не части их, а асемантические «прокладки» между морфемами, обеспечивающие их фонетическую сочетаемость.

«Интерфиксы» обслуживают «фонетическую сочетаемость», поэтому называться они должны не по морфемному – на -фикс (как *суффикс*, *префикс*, *аффикс*), а фонетически: *эпентезами*. (Ср. «*Эпентеза* (др.-греч. ἡ Ἐπένθεσις, вставка) – фонетическое явление, добавление одного или более звуков в слово; согласного (*лат. excrementum*, нарост) или гласного (т. н. *анантисис*, др.-греч. ἡ ἀνάπτωσις, вставка) [Википедия]. **ЭПЕНТЕЗА** «Вставка добавочного звука в середину слова: согласного между гласными, гласного между согласными (в отдельных случаях слово с эпентезой закрепляется в языке) (в лингвистике)» [3]).

Паре *Бразилия-бразильянка* можно дать другое объяснение. «Интерфикс» -ьян в действительности оказывается романским адективным суффиксом, заимствованным в составе производной основы романского прилагательного. В XIX веке было распространено прилагательное *бразильянский*. В русский язык была заимствована романская основа прилагательного *brazilian* (*бразилиан-*), преобразованная русскими в соответствии с запретом на зияние в *бразильян-*. От этой заимствованной основы уже имеющей романский суффикс прилагательного =йан- были образованы формы: *бразильян=ск_ий*, *бразильян=ьк_а*,

бразильян=*ец*, *бразильян*=*ц*_ы. Но параллельно было образовано и прилагательное от основы *бразил*:- *бразильский*. Слова с основами *бразильян*- и *бразил*- стали конкурировать, и постепенно более короткие слова вытеснили более длинные. Исключением стало слово *бразильянка*, оказавшееся более удачным, чем **бразил(ь)ка*. Так возникла асимметрия словоупотребления.

Если у человека не родной отец, а отчим или не родная мать, а мачеха, значит ли это, что он является генетическим сыном отчима или мачехи? Разумеется, нет.

Когда же нам говорят, что *бразильянка* образована от *бразильский*, то предлагают реальность функционирования **лексико-семантической** системы слов в речи принимать за реальность существования **словообразовательной** системы языка. А это нарушение системного принципа гомотопности: вопросы словообразования предлагается решать с опорой не на словообразовательный, а на лексико-семантический уровень языка.

Итак, что противопоставить *критерию Г. О. Винокура* и **как определять наличие и направление деривационных отношений**?

Отношения деривационной производности устанавливаются между основами лексем, отличающимися друг от друга на один *крайний* (по-научному – *терминальный*) аффикс (приставку или суффикс).

Та основа, у которой на один терминальный аффикс *меньше*, является **производящей**, та основа, у которой на один терминальный аффикс *больше*, является **производной**.

Противопоставление *морфемного членения слова* словообразовательным отношениям не имеет под собой основы: *морфемный анализ* – первый и необходимый этап установления *словообразовательных (деривационных) отношений*. «Критерий Винокура», апеллирующий к семантике (пусть и через словарную дефиницию), – не более чем предохранитель от чисто формального установления отношений без учёта се-

мантики. Он позволяет установить корректность словообразовательной цепи *коза* > *козёл* > *козёлок* и некорректность формально подобного ей ряда: ~~*оса*~~ > ~~*осёл*~~ > ~~*осёлок*~~.

В системе апеллятивов и в системе онимов границы между словоизменением и словообразованием не совпадают. К словоизменению относится флексия, а к словообразованию основание, но это не всегда так:

кат-а-ть *кат-а=л_и*
кат-ну-ть *кат-н=и_те*
кат-и-ть
кат-ыва-ть

1. Мы прежде всего определяем морфемный состав слова. Это первый этап словообразовательного анализа. 2. Затем необходимо выделить цепи, отличающиеся друг от друга на одну терминальную морфему. 3. После этого необходимо сопоставить семантику корней и выявить, не было ли в одном из слов семантической деривации.

При этом обязательно последовательное различение межсловной (аффиксальной) и внутрисловной (семантической) деривации.

Рассмотрим пример:

конь > *конин(а)*

баран > *баран-ин_а* (мясо того животного, которое обозначено производящей основой)

медведь > *медвежье мясо* > *медвежина*

верблюд > *верблюжье мясо* > *верблюжина*

У суффикса *=ин* – одна и та же компрессивная функция: ужать словосочетание из прилагательного и существительного в одно слово с тем же значением.

Следовательно, *конина* и *баранина* образованы не от *конь* и *баран*, а от словосочетаний *конье мясо*, *баранье мясо*.

конь > *конье мясо* > *конина* {*кон-йб-ин_а*}

баран > *баранье мясо* > *баранина* {*баран-йб=ин_а*}

Понять производное слово можно только на фоне всей системы языка. Любое ограничение привлекаемого для анализа материала чревато ошибкой.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 2010.
2. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419 – 442.
3. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. 2006.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд. 1880 – 1882.
5. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. № 3.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1973. 304 с.
7. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
8. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Астра семь, 1997.
9. Рябицев В. К. Птицы тундры. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986.
10. Словарные агнонимы русского языка / под. ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007. (Semiosis lexicographica. Vol. XLIII).
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н.Трубачева. 4-е изд. Стер. М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2004.

Информация об авторе:

Кретов Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, tilp@rgph.vsu.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

ON THE SO-CALLED “VINOKUR CRITERION”

Kretov Alexey A.^{1, @}

¹ Voronezh State University
@ tilp@rgph.vsu.ru

Abstract: The paper is devoted to the problem of direction of lexical derivation. The system methodology was used to describe the “Vinokur criterion”; it turned out that the criterion can not be used to identify the derivation direction. Also the existence of morphemes apocope technique in Russian derivation is refuted and the term *interfix* is replaced by *epenthesis*. It is suggested to use the quantity of morphemes instead of the “Vinokur criterion”: the derived stem is different from the stem of the same root in one additional terminal affix. As a result the morphemic analysis is defined as the first stage and the obligatory condition of the derivative analysis. If the “Vinokur criterion” is interpreted correctly, it can be used in lexicography to describe the semantics of derived words. It may also be the indicator of derived word de-etymologization. The problem of the direction of lexical derivation is also connected with the problem of words existence-inexistence in language and speech, with the problem of synchrony and diachrony of word-formation system and also with the necessity for differentiation of the systems of onims and appellatives and for consideration of each derivative as an element of the whole language system.

Keywords: word-formation, Russian language, lexical derivation, “Vinokur criterion”, direction of lexical derivation, interfix and epenthesis, morphemic and word-formation analysis.

For citation: Kretov A. A. On the so-called “Vinokur Criterion”. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 150 – 154.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. Ed. Kuznetsov S. A. 2010.
2. Vinokur G. O. *Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Notes on Russian word formation]. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Notes on the Russian word formation]. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 419 – 442.
3. Efremova T. F. *Bol'shoi sovremenniy tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large modern dictionary of Russian language]. 2006.
4. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language in 4 volumes. 2nd edition]. 2nd ed. 1880 – 1882.
5. Isachenko A. V. K voprosu o strukturnoi tipologii slovarnogo sostava slavianskikh literaturnykh iazykov [On the question of the structural typology of the vocabulary of the Slavic literary languages]. *Slavia*, no. 3 (1958).
6. Zemskaya E. A. *Sovremenniy russkii iazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 304.
7. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst»* [Experience of linguistic models of the theory of "The Meaning – Text"]. 2nd ed. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1999, 346.
8. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonimy (words that we do not know)]. Moscow: AO «Astra sem'», 1997.
9. Riabitsev V. K. *Ptitsy tundry* [Tundra birds]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986.
10. *Slovarnye agnonimy russkogo iazyka* [Vocabulary agnonimy Russian language]. Ed. Vavzhinchik Ia. Warszawa, 2007, Iss. 1. (Semiosis lexicographica. Vol. XLIII).
11. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Transl. Trubachev O. N. 4th ed. Moscow: OOO «Izd-vo Astrel»; OOO «Izd-vo AST», 2004.

Received 01.02.2016, accepted 07.06.2016.